

Этот глобус был сделан в 1760 году по распоряжению Елизаветы Петровны.

«Я не тужу о смерти, пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети Отечества пожалеют...»

В ОГРОМНОМ НИКОЛАЕВСКОМ ЗАЛЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА ОТКРЫЛАСЬ ГРАНДИОЗНАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА

700 экспонатов, представленных десятками музеев, библиотек, архивов. Сани, сабли, шитые золотом мундиры и чепраки для лошадей, треугольные шляпы с потрепанными перьями и бантами, веера, мозаики, зеркала, фарфор, стекло...

КАЖЕТСЯ, что здесь ожил XVIII век, про который Радищев написал: «Нет, ты не будешь забыто, столетье безумно и мудро!»

Название выставки может отпугнуть зрителей: «М. В. Ломоносов и елизаветинское время». Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский посетовал, что пропустил «этот канцеляризм» и попросил не судить о выставке по названию: «Выставка получилась очень красивая и необычная. Мы сделали выставку об эпохе императрицы Елизаветы Петровны, частью которой была блистательная деятельность Ломоносова».

Куратор выставки Наталья Гусева пояснила: «Идея выставки — показать ту среду, которая сложилась при дворе Елизаветы Петровны, без понимания которой невозможно полностью осознать феномен личности великого помора».

Я сразу прилипаю к витрине с платьем-робой (от французского «роброн» — «круглое платье»). Шелк какого-то непередаваемого, слож-

Такое платье могла носить императрица Елизавета Петровна.

ного оттенка, для которого и название-то сложно подобрать. Скорее всего — розовато-коричневый, словно увядшая роза. А банты на рукавах — зеленовато-серые. Одним словом, рококо! Платье на обручах — панье — датировано 1730 — 1750 годами. Такое платье могла бы носить императрица, которая была отчаянной модницей. В ее гардеробе имелось 15 000 (!) платьев и несколько тысяч туфель. Однако после ее смерти все это богатство бесследно исчезло, и сохранились лишь ее веера, перчатки, несессеры, туалетные принадлежности и прочие bibelots (изящные вещицы), которые составляют гордость эрмитажной коллекции.

Не стоит корить императрицу за легкомыслие и транжирство. Ведь ее пристрастие к моде послужило на благо России: при ней были основаны фабрики вееров, чулок. А одним из главных

аргументов, которые Ломоносов выдвинул перед Сенатом в пользу основания Усть-Рудицкой фабрики, кроме изготовления мозаик было производство галантерейных изделий из бисера и стекла.

Макет лаборатории Ломоносова, исполненный с дотошной точностью, можно рассматривать долго.

В собрании Эрмитажа три настенных панно, вышитых мастерицами с использованием бисера и стекла с фабрики Ломоносова. Самое замечательное — панно «Усадьба», похожее на детскую игру. Рассматривать его можно долго, чего тут только нет! И барский дом, и регулярный парк, и десятки мирно пасущихся домашних жи-

вотных: овечки, коровы, гуси, собачки. Только вот почему-то нет ни одного кота!

Так же долго я рассматривала макет химической лаборатории Михаила Ломоносова, похожий на кукольный домик. Внутри в миниатюре с дотошной точностью воссозданы интерьеры этого святилища науки — вплоть до множества колб и реторт цветного стекла.

Портретов Елизаветы Петровны — великое множество. Есть и мозаичный.

Зинаида АРСЕНЬЕВА, фото Натальи ЧАЙКИ

Сорок Ломоносовых в одном месте

Памятник Ломоносову, установленный в 1986 году на пересечении Менделеевской линии и Университетской набережной: Ломоносов тут направляет восторженный взгляд куда-то вдаль, и даже листы бумаги, забытые, падают с его колен. Это должно вдохновлять студентов Университета и сотрудников Академии наук, спешащих к своим штудиям.

ОБ ИСТОРИИ создания памятника рассказывает выставка, открывшаяся в Новом выставочном зале Музея городской скульптуры, — «Разумом и науками превосходному».

Это странная картина: зал, полный Ломоносовых. Здесь их более сорока. Посередине стоит длинный стол. На нем — Ломоносовы: бюсты и ростовые скульптуры. Огромные головы в буклях. Совсем маленькие Ломоносовы, у которых не различить лица. Ломоносовы со знакомыми широкими чертами. Ломоносовы почему-то монголоидного вида. Михайлы Васильевичи в куртках, без оных, в рабочих фартуках, опирающиеся на свои инструменты. Ломоносов, сидящий горделиво, как Цезарь, — без всяких атрибутов. Ломоносов с ехидным, почти ленинским прищуром. Глаза разбегаются.

Все эти экспонаты уже выставлялись, но в разных местах и по одному.

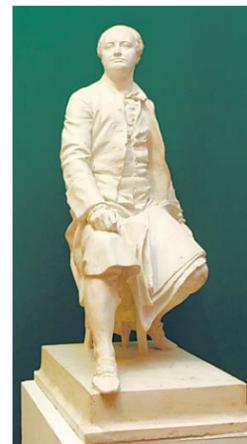
— Все эти экспонаты, собранные из фондов музея и мастерских скульпторов, уже, конечно, выставлялись, — объясняет мне ведущий научный сотрудник музея Анна Помитун. — Но уникальность тут все равно присутствует: когда еще увидишь их все в одном зале? И труженик, и мыслитель, и просветитель. Триста лет все-таки один раз бывает...

А сама история создания монумента оказалась более драматичной, чем можно было предположить. Она затянулась на 20 с лишним лет. 1-й и 2-й туры конкурса состоялись в 1960 году. Был определен победитель: скульптура М. Р. Габе, Л. М. Торича и П. А. Якимовича. Этот Ломоносов — даже не выходец из народа, а крепко укоренившийся в нем демиург. В фартуке, с армиллярной сферой — он будто бы готов прямо сейчас без особых трудностей создать вселенную-другую.

Проект был отвергнут экспертной комиссией Министерства культуры в последний момент, перед отливкой, в 1980 году.

Что случилось? Изменилось даже не отношение к Ломоносову, а сама атмосфера: народный герой 60-х просто оказался неактуален.

Модели, выставленные на 3-м и 4-м турах (тут участвовали знаменитые Аникушин и Стамов), совершенно другие: никакого фартука. Ломоносов в парике и камзоле, изящно, как на балу, отставивший ногу, похож больше на опытного царедворца. Победил, пожалуй, компромиссный вариант скульпторов Свешникова и Петрова: не мастеровой, но и не вельможа. Просто ученый — без парика, с залысынами и в несколько съехавшем набок камзоле.

Макет памятника Ломоносову на Васильевском.

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ